

Алла Андреевна Кожинова

Языки и графические системы Беларуси в период от Октябрьской революции до Второй мировой войны

1. Введение

Главной особенностью Беларуси являлось и является то, что она представляет собой поле постоянного взаимодействия народностей и языков не только в живом повседневном общении, но и в том, что представляется коммуникацией менее живой и менее повседневной, хотя бы потому, что она вторична и опосредована. Речь идет о коммуникации письменной. Пожалуй, к этому типу коммуникации более применимо понятие языковой политики, поскольку именно здесь общество в целом и его наиболее политизированная институция – государство – может проявить свое влияние в полную силу. Это обусловлено зависимостью письменной коммуникации от того, что может институционально контролироваться, а, следовательно, разрешаться и запрещаться – образования, позволяющего человеку владеть тем или иным видом письменности на том или ином языке, и печати, дающей возможность реализовать полученные в процессе образования умения.

Таким образом, в настоящей статье речь пойдет о вторичной графической форме представления языка и определенных выше необходимых моментах существования этой формы.

Важность учета языкового фактора в социалистическом государственном строительстве была отражена в принятой 31 июля 1920 г. *Декларации о провозглашении независимости Советской Социалистической Республики Белоруссии*: “Устанавливается полное равноправие языков (белорусского, русского, польского и еврейского) в сношениях с государственными учреждениями и в организациях и учреждениях народного просвещения и социалистической культуры” (ПРНВ: 122). Эта идея была реализована и в *Конституции Белорусской Социалистической Советской Республики* 1927 г. (К27: ст. 21 -23). Все четыре языка появились на государственном гербе (рис. 1).

Представление о необходимости равноправного сосуществования четырех государственных языков было ярко представлено в следующей инициативе почтового ведомства, рекомендации которого приводит Э. Бэмпарад (2007: 66):

РИС. 1

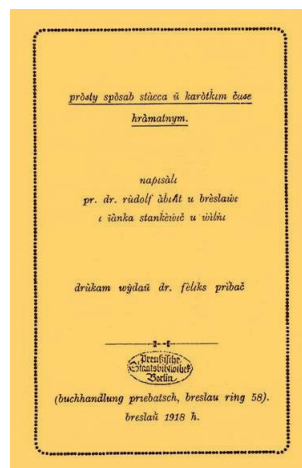

РИС. 2

7 мая 1924 г. администрация Главпочтамта в Минске обратилась к окружному и городскому комитетам партии с сообщением, которое через несколько дней было опубликовано в местной прессе. Почтовая служба искала работников, которые могли бы читать, говорить и писать на местных языках. В сообщении скрупулезно описывалась система, на основании которой почта должна была доставлять адресату посылки или письма. Адреса писем на местных языках, таких как польский или белорусский, обычно писались на левой стороне конверта, а правую сторону отправитель оставлял чистой; это позволяло почтовому работнику перевести адрес на русский язык на правой стороне конверта. Призыв почтамта к потенциальным сотрудникам содержал специальное объяснение, связанное с идишем; раз на идише адреса писались обычно на всей поверхности конверта справа налево и чистого места не оставалось, работнику нужно было переводить адрес на обратной стороне конверта.

Так началось сосуществование четырех государственных языков, подчас принимающее бурные революционные формы.

2. *Белорусский язык. Советская власть + белорусизация всей республики*

Белорусизация, в конечном итоге обусловившая все изменения в других государственных языках, в республике происходила дискретно. Первый ее пик пришелся на осень-лето 1915 г., когда западная часть территории была захвачена кайзеровской Германией, которая старалась ослабить на этих землях российское влияние (Рудовіч 2001: 7). По-белорусски предполагалось осуществлять административную деятельность, учить в школах и т.д. Именно тогда и возникла первая белорусская школа, а «до 1915 г. не существовало национального образования, даже начального» (Мячкоўская

2001: 173). 16 января 1916 г. был издан приказ фельдмаршала П. фон Гинденбурга о равноправии литовского, русского, польского, белорусского языков (Запрудскі 2015: 6).

Вторая волна белорусизации связана с провозглашением в марте 1918 г. Белорусской Народной Республики (БНР), где в апреле этого же года белорусский язык был определен государственным и обязательным – в первый раз в новой истории он обрел этот статус (Рудовіч 2001: 9). Кроме того, в Вильне было основано Белорусское научное общество (Беларускае навуковае таварыства) во главе с А. Луцкевичем. Были предприняты и другие попытки укрепления статуса белорусского языка. Эти начинания остались нереализованными, поскольку в 1919 г. БНР прекратила свое существование, однако они дали определенные плоды – хотя первое орфографическое руководство по белорусскому языку *Jak prawilna pisać pa biełarusku* было издано А. Луцкевичем еще в 1917 г. (Łuckiewiç 1917), именно в 1918 г. выходит большая часть учебных пособий, предпринимаящих попытку нормализовать белорусскую орфографию и помочь носителям языка овладеть ею: *Hramatyka biełaruskaj mowy* Б. Почобко (Pačobka 1918), *Biełaruski prawapis* А. Луцкевича и Я. Станкевича (Łuckiewiç, Stankewiç 1918), *Pròsty spòsab stàcca ŭ karòtkim čàse hràmatnym* Р. Абихта и Я. Станкевича (Àbicht, Stankèviç 1918)). Как можно заметить, все эти издания были осуществлены латиницей, и они практически исчерпали попытки выработать систему латинографического правописания на белорусском языке до Второй мировой войны и обучить этой системе белорусов. Каждая из этих небольших брошюр вносила свои предложения в преобразование латиницы. Уже их названия показывают принципы, которыми они руководствовались, ср: *Jak prawilna pisać pa biełarusku. Ułažyŭ Anton Łuckiewiç. Čaść I. Wilnia 1917*; *Hramatyka biełaruskaj mowy. Apracawaŭ B. Pačobka, wučyciel Biełaruskaj mowy u Świŭstockaj Biełaruskaj wučycielskaj seminari, redaktar časopisi "Biełarus". Wilnia: Drukarnia "Homan", 1918*; *Ant. Łuckiewiç, J. Stankewiç. Biełaruski prawapis. Wilnia: Druk. M. Kuchty, 1918*. Здесь очевидны попытки, предпринятые еще в издании букваря 1906 г. *Belaruski lementar* обозначать звуки не на польский манер диграфами, а при помощи диакритиков, как в чешском, словацком, словенском и др. письме (Мечковская 2003: 59). Попытки эти были проведены непоследовательно, см. диграф в фамилии издателя: *М. Кучынта*. Обложка же учебного пособия Р. Абихта и Я. Станкевича (рис. 2) демонстрирует их предложение элиминировать различия больших и маленьких, печатных и рукописных букв.

Отдельное место среди первых попыток выработать нормативное правописание занимает *Белорусская грамматика для школ* Б. Тарашкевича, опубликованная сначала в латинографической (Тараškiewiç 1918), затем в кириллической (Тарашкевиç 1918) версии, выдержавшая при жизни автора 5 изданий и надолго определившая вектор развития белорусского письменного языка. И все это благодаря тому, что “она представляет собой первый, и тем не менее удачный опыт выделения основных закономерностей белорусского языка” (Крамко и др. 1968: 162). Эти закономерности были обнаружены автором в белорусском говоре, представляющем твердое *p* и сильное аканье. Также Б. Тарашкевич закрепил фонетический принцип передачи гласных и морфологический с

некоторыми отклонениями – согласных, а заимствованные слова предложил записывать в соответствии с тем, насколько они ассимилированы белорусским языком.

Однако началась третья волна белорусизации, связанная с великой целью построения социализма в отдельно взятой беднейшей европейско-азиатской стране. И соответствующая политика должна была помочь в достижении этой цели – в данном случае привлечь на сторону большевиков белорусское крестьянство, в большинстве своем необразованное, культурно и экономически отсталое. О том, насколько это представлялось важным, свидетельствуют слова И.В. Сталина, произнесенные им на X съезде РКП(б) в 1921 г. (Сталин 1951: 48):

Я имею записку о том, что мы, коммунисты, будто бы насаждаем белорусскую национальность искусственно. Это неверно, потому что существует белорусская нация, которая имеет свой язык, отличный от русского, ввиду чего поднять культуру белорусского народа можно лишь на родном для него языке.

Предполагалось, что белорусский язык агитационных воззваний позволит сделать это наилучшим образом – в партийной резолюции 1921 г. писалось (см. Коршук и др. 2001: 30):

Необходимо как можно обильнее снабжать белорусское [так в документе – А.К.] крестьянство и рабочих коммунистической литературой на белорусском языке (крестьянская газета, орган профессиональных союзов, листки, брошюры, календари и т. п.). Необходимо, чтобы ЦБ Коммунистической партии Белоруссии повело агитацию и пропаганду среди белорусских масс на белорусском языке¹.

Кроме того, белорусизация была призвана решить ряд побочных задач: установить контроль над национальной идеей белорусской интеллигенции, подозрительно относившейся к русскоязычным большевикам, привлечь на свою сторону белорусское население в Польше, где белорусский язык и белорусские институции не пользовались симпатиями государства, завоевать симпатии белорусской эмиграции² (Клімаў 2001).

Белорусизация была частью “коренизации”, то есть национально-культурного строительства в СССР, которое предусматривало перевод преподавания, СМИ (в то время – газет), делопроизводства на родной язык, расширение книгоиздательства на национальном языке, изучение работниками партийных и советских органов местного языка (Алпатов 2000: 38 и далее).

Расширение функций языка требовало его исследования для нормализации, кодификации и обучения ему. В Минске в феврале 1921 г. была создана Научно-терми-

¹ Как видно из примера, сам язык резолюции вполне мог быть русским. Такое языковое смешение – призыв к использованию белорусского языка, сформулированный по-русски, – наблюдается и в наше время, нередко даже в оппозиционных источниках, особенно на интернет-сайтах.

² Что, кстати, удалось сделать.

нологическая комиссия (Навукова-тэрміналагічная камісія), а в октябре того же года – Белорусский государственный университет, где с самого начала велось изучение и преподавание белорусского языка. Однако важнейшим событием было основание в конце января 1922 г. Института белорусской культуры (Инстытут беларускай культуры, Инбелкульт): “Значение этой организации для развития белорусской культуры и науки в 1920-е годы настолько велико, что этот период часто называют *инбелкультуровским*” (Запрудскі 2015: 8). Именно эта организация инициировала разработку белорусского правописания.

Необходимость этого действительно назрела. Так, многие газеты, и, прежде всего, сельские, созданные на протяжении 1924-1925 гг., совершенно неудовлетворительно подходили к вопросу правописания. Например, в газете *Полоцкий пахарь* (№ 68) из 15 заметок, опубликованных на белорусском языке, не было ни одной, которая бы не содержала ошибок: *зпачатку пазанісывалісь дажа старыя селяне* вместо *спачатку запісаліся нават старыя сяляне, у вёскі* вместо *у вёсцы, ремонце школы* вместо *рамонце школы, далучана* вместо *даручана* (Прахарэня 2017: 489).

В 1926 г. в Минске силами Инбелкульта была проведена Академическая конференция по реформе белорусского правописания и азбуки (Акадэмічная канферэнцыя па рэформе беларускага правапісу і азбукі), которая оказалась не только первым лингвистическим форумом, но и первым научным выходом Беларуси на международную арену. На ее созыв повлияли факторы различного рода. Это, как показывает С. Запрудский (2004: 22),

отдельные недостатки правописания того времени, звучная постановка вопроса реформы правописания и алфавита в обществе, желание властей провести в молодой советской республике международную конференцию, потребность белорусского языкознания осмотреть результаты своей работы за несколько лет.

Этому мероприятию предшествовала бурная дискуссия в печати (см., например, Багдановіч 1925; Лёсік 1925; Цвяткоў 1926). В самой же конференции приняли участие все ведущие сотрудники Инбелкульта во главе с его председателем В. Игнатовским, профессор БГУ П. Бузук и доценты А. Богданович, И. Волк-Леванович, А. Цветков, профессор Московского университета П. Расторгуев, ректор Литовского университета в Ковно М. Биржишка, доцент Латвийского университета в Риге Э. Блесэ, доцент Ленинградского университета П. Горчинский, доцент Варшавского университета Ю. Голомбек, доцент Харьковского института народного просвещения К. Нимчинов, профессор Берлинского университета М. Фасмер, редактор ковенского журнала “Кривич” В. Ластовский и др. (Запрудскі 2004: 21).

На конференции, безусловно, были рассмотрены некоторые конкретные вопросы правописания (расширение фонетического принципа правописания на согласные, написание безударного [e], распространение аканья на заимствованные слова, написание *у* и *ў*-краткого и др.), однако главной ее интригой было противостояние

сделавших основные доклады (Жураўскі 2014: 419) Я. Лёсика, который выступал за радикальную реформу, и сторонника более осторожного подхода С. Некрашевича, считавшего, что отменять правописание, предложенное Б. Тарашкевичем, нет оснований, и предлагавший прежде, чем предпринимать радикальные шаги, “широко начать работу по исследованию белорусских говоров и на основе выводов исследования сделать реформу правописания” (Некрашэвіч 2004: 14). В результате конференции не провела реформы правописания, но показала необходимость серьезных исследований белорусского языка.

Дискуссии продолжались и после конференции. Так, в 1927-1929 гг. несколько раз со статьями, посвященными реформе алфавита и правописания, выступил поэт В. Дубовка (Запрудскі 2005: 40). Он, в частности, предложил ввести специальные знаки для аффрикат [дз’] и [дж], в которых своеобразно представил веяния нового времени – в одной из графем видно изображение серпа и молота (рис. 3).

В конце 1927 г. при Инбелкульте была создана Комиссия по правописанию (Правопісная камісія), опубликовавшая свой проект в первой половине 1930 г. (П30), в котором в целом были сохранены правила, предложенные еще Б. Тарашкевичем.

И хотя первоначальная оценка конференции в партийных кругах была достаточно положительной, вскоре все изменилось. В 1928 г. на базе Инбелкульта была создана Белорусская академия наук, в составе которой был и Институт языкознания. А уже в 1930 г. его деятельность была парализована арестами. Основное обвинение – вредительская деятельность белорусских национал-демократов (т.н. нацдемов) по отношению к языковому строительству в СССР. Именно этим объяснялось промедление с выработкой белорусского нормативного правописания (П33: 31):

Белорусская контрреволюционная нацдемовщина старалась отвлечь пролетариат от участия в деле создания литературного языка; поэтому, безусловно, нацдемы тянули с вопросом правописания. На так называемой Академической конференции 1926 года они старались дать такое правописание, которое притуляло бы язык как орудие классовой борьбы.

Итогом продолжительной работы, целью которой было как устранение инакомыслящих, так и собственно выработка правильных позиций реформирования языка, было принятие 26 августа 1933 г. декрета Совета народных комиссаров БССР *Об изменениях и упрощении белорусского правописания*, опубликованного 28 августа 1933 г. в газете *Звязда*, а позже отдельной брошюрой (ПП33). Он содержал следующие орфографические нормы: писать *я* вместо *е* только в первом предупредительном слоге (*вялікі* ‘большой, великий’), перед начальными гласными *о* и *у* всегда писать *в*, за исключением географических названий (*восень* ‘осень’, но *Орша*), исключить обозначение ассимилятивной мягкости (написание *ь* между мягкими согласными – писать не *сьвет*, а *свет*), для обозначения раздельного произнесения согласного и следующего гласного (кроме *л*) писать апостроф (*з’ява* ‘явление’) и др.; целый ряд изменений касался написания заимствованных слов (с классовой рекомендацией не подчинять интернациональные

	друкаваныя		рукапісныя	
	вялікія	малыя	вялікія	малыя
Дз	Д	д	Д	д
Дж	Г	г	Г	г

РИС. 3

РИС. 4

революционные слова общему правилу аканья [т.е. писать не *рэвалюцыя*, а *рэволюцыя*]), имен, фамилий и географических названий, а также грамматических форм.

С этого момента и до настоящего времени в белорусском правописании начали противоборствовать две системы: принятая на основании этого декрета наркомовка (официальный вариант, с некоторыми изменениями действующий и в наши дни) и тарашкевица (классическое правописание, предложенное Б. Таршкевичем, которого придерживается оппозиция).

Возвращаясь к 20-м годам, следует вспомнить, что реформирование белорусского языка было связано, в том числе, с белорусизацией образования. Уже в январе 1921 г. на съезде работников просвещения в Минске была принята резолюция о создании по мере возможности белорусских школ с белорусским языком преподавания (Głogowska 1996: 123), а в 1925 г. Совет народных комиссаров БССР постановил ввести белорусский язык как язык обучения во всех начальных школах, в которых учились дети белорусской национальности, и как предмет во всех остальных школах. Для высших учебных заведений переход на белорусский язык рассматривался как рекомендация (Głogowska 1996: 134). В 30-е же годы «республикой был взят курс на сворачивание белорусизации в сфере образования. Население легко отказалось от белорусского языка» (Сергейко 2010: 161).

Почему так произошло? Следует сказать, что, несмотря на все принимаемые меры, белорусизация населения республики не всегда проходила успешно. В качестве примера можно привести ситуацию в Восточном Полесье (современный Мозырский р-н Гомельской области) (Старовойтов 2003: 21-25), которую во многом можно экстраполировать на ситуацию в республике в целом. Причин отказа от белорусского языка было несколько. К основным можно отнести, во-первых, высокий удельный вес крестьянства (84,9%), практически относящегося к жизни и не видящего экономической пользы в белорусизации, а, во-вторых, национальный состав рабочего класса, который в городах на 60% состоял из лиц еврейской национальности, а на железной дороге содержал большой процент русских и украинцев. Таким образом, к белорусизации население относилось не враждебно, но равнодушно, однако именно

такое настроение способно погубить любое начинание, и не только в языковой политике. Получающая же образование молодежь нередко рассматривала изучение белорусского языка как препятствие при изучении русского и помеху при поступлении в вузы в других частях СССР.

Можно, таким образом, сделать вывод о том, что советская власть, приступив после революции к достаточно жесткой белорусизации, в конечном итоге начала с ней непримиримую борьбу, закончившуюся настолько убедительной победой, что белорусский язык и в наши дни не может оправиться от ее последствий.

3. *Русский язык. Догоним и перегоним*

Несмотря на государственную языковую политику Российской Империи, предполагающую русификацию населяющих ее народов, перепись 1897 г., в ходе которой этническая идентичность определялась по языковой принадлежности, показала, что на белорусских землях “белорусскоязычное население составляло 73,3%. Второе место принадлежало языку иудеев, – 14 %. Русскоязычное население составило 4,3 %, польское – 2,4 %” (Латышева 2009: 134). Из этого можно сделать вывод, что русификация затронула не сферу устной (по которой определялась языковая принадлежность), а сферу письменной коммуникации. Об этом свидетельствует, в частности, история книгопечатания: так, в 1910 г. в России было опубликовано только 14 книг по-белорусски (Гапоненка 2011: 52).

После Октябрьской революции же, то есть начиная с 1917 г., русский и белорусский языки, образно говоря, старались вытолкнуть друг друга с дороги белорусской социалистической государственности. Так, объявление о проведении 5-17 декабря 1917 г. Первого Всебелорусского съезда советов написано по-русски с дореволюционной орфографией (рис. 4).

Манифест Временного рабоче-крестьянского правительства, опубликованный 1 января 1919 г. в газете *Вестки*, который объявил о создании Социалистической Советской Республики Белоруссии, был написан по-белорусски (возможно, потому, что его автором был председатель правительства белорусский писатель Тишка Гартный (Д.Ф. Жилунович) (рис. 5).

Но уже первая конституция Беларуси, принятая 3 февраля 1919 г. Всебелорусским съездом Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, была написана по-русски с соблюдением всех правил проведенной в 1918 г. орфографической реформы (рис. 7).

При этом надпись на гербе новообразованной республики была сделана по-белорусски: *Пролетары усіх краёў, злучайцеся!* (рис. 6).

По-белорусски же была написана следующая конституция 1927 г., поскольку издание этого основного закона пришлось на период политики белорусизации, о которой говорилось выше (рис. 8).

РИС. 5

РИС. 6

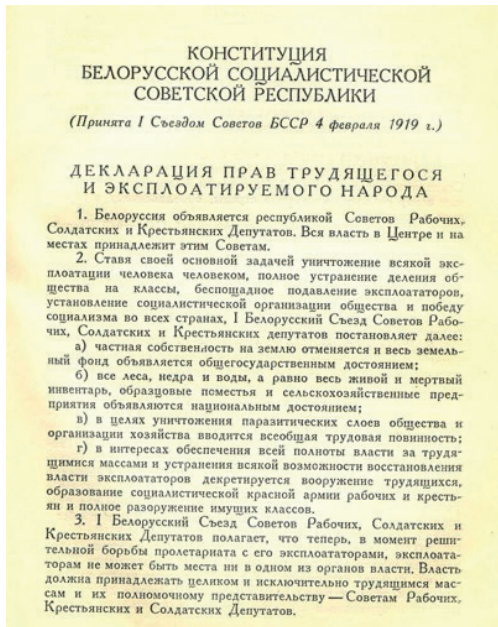

РИС. 7

РИС. 8

Русский язык постепенно вытеснялся из области печатного слова. Хотя среди русского населения процент грамотности составлял 84,4% у мужчин и 44,8% у женщин, то есть был выше, чем среди белорусского (соответственно, 72,2% и 27,2%) (П26: 66-69), только 9 из 20 газет и 5 из 15 журналов, вышедших в 1925 г. были русскоязычными (Мікулич 1996: 88) (при том, что уровень грамотности в белорусскоязычной периодике, как было показано выше, оставлял желать лучшего). В области книгоиздания дело обстояло еще хуже: из 5,329.000 выпущенных в 1924-1928 гг. экземпляров книги на русском языке составляли только 562.000 (К30: 10-13).

Согласно переписи 1926 г., русскоязычные школы-четырёхлетки составляли всего 2,3% от общего количества школ, а семилетки – 3,1% (при том, что школы с белорусским языком обучения 84,5% и 57,1% соответственно (П26: 66-69).

Несколько иначе обстояло дело с высшим образованием. Хотя в 20-е гг. белорусский язык начал вводиться в создаваемых вузах, прежде всего, в Белорусском государственном университете, белорусизация не всегда проводилась последовательно. Этому мешала неподготовленность соответствующих национальных кадров: в конце 20-х годов не хватало 42 профессоров, 56 ученых специалистов, 54 доцентов, 48 научных работников, более 100 ассистентов (Шчарбакоў 1931: 35-36). Соответственно, в республику по приглашению, а позже и по разнарядке приезжали ученые со всего Советского Союза, среди них Н. Дурново, В. Пичета, И. Замотин и др. Как и многие другие ситуации, возникавшие на пересечениях языковой политики в республике, эта поражает своей противоречивостью: с одной стороны, наблюдалось активное сопротивление русской профессуры белорусизации и стремление наркомата просвещения воспитать как можно больше национальных кадров, а, с другой, имело место обвинение ученых, приехавших поднимать белорусскую культуру и образование, в частности, И. Замотина и В. Пичеты, в выражении националистических настроений некоторой части белорусской интеллигенции (Шаўчук 2003: 141).

Как уже говорилось выше, в начале 30-х годов белорусизация начала сворачиваться, что, безусловно, привело к разворачиванию, или, лучше сказать, возрождению, русификационной политики.

Нужно сказать, что при этом внешняя русификация (газеты, книги, образование) в довоенной Советской Белоруссии проводилась не слишком быстрыми темпами: “Во второй половине 1930-х гг. из 10 республиканских газет 5 выходили на белорусском, 2 на еврейском и по 1 на русском, польском и литовском языках” (Пушкін 2010: 69). Нечто подобное наблюдается и в книгоиздательском деле: “В 1927 г. на каждые 20 книг по-белорусски приходилось 10 по-русски, 1 по-польски и 2 на идише” (Вакаг 1956: 142). С 1934 г. совершается перевод, особенно в городах и восточной части БССР, школ на русский язык обучения (Пушкін 2010: 72), однако в 1939-1940 гг. в объединенной БССР работало 5.643 школы, из них в 4.278 обучение проходило на белорусском языке, а в остальных 1.365 – на русском, польском, еврейском и литовском (Пушкін 2010: 99).

Существовала, однако, гораздо большая опасность для белорусского языка, и именно она воплотилась в жизнь. Благодаря генетической близости языков, русификация началась с самой языковой системы, а не с общественных отношений, как это происходило в других республиках Советского Союза. Этот процесс был запущен орфографической реформой 1933 г., о которой шла речь выше. Она практически вся была посвящена сознательной или полусознательной обработке белорусского языка по модели русского.

Если говорить именно об орфографии (а реформа предполагала изменения и на других уровнях системы) (ППЗЗ), то это, прежде всего, элиминация обозначения ассимилятивной мягкости согласных (*свет, насенне* вместо *сьвет, насеньне*), что, в конечном итоге, привело к отвердению белорусского произношения. Такое произношение уже можно наблюдать сейчас, когда большинство белорусов осваивает язык по школьным учебникам.

Любопытно, что новые белорусские орфографические правила учитывали не только букву, но и дух орфографической реформы русского языка (Саўка 2008: 19):

Как русскоцентрическое следует также интерпретировать правило о написании приставок через апостроф: *з'езд* (вместо тарашкевичевского *зьезд*) по образцу русского *с'езд*. Дело в том, что реформа русского правописания 1918 г. уничтожила *ѣ* на конце слов, оставляя ему функцию “разделения” на границе приставки и корня. Но, чтобы издатели и печатники не испытывали искушения использовать *ѣ* в до-реформенной функции, эту букву фактически вывели из стандартного печатного набора и поэтому стали заменять апострофом.

Именно орфографическая реформа направила произношение иноязычных слов в сторону русского, а не славянских европейских языков, и прежде всего польского, поскольку постановила, что иноязычное *e* в них необходимо передавать буквой *e*, а не *э* (*методыка*, а не *мэтодыка*), *i* – буквой *i* а не *ы*³ (*сістэма*, а не *сыстэма*), европейское *l* в середине слова – как твердый, а не мягкий звук (*дыпламат*, а не *дыплямат*)⁴, звук, восходящий к греческому θ , – через *ф*, а не *т* (*кафедра*, а не *катедра*)⁵.

Резкие смены языковых приоритетов привели к тому, что уже тогда начался процесс, расцветающий пышным цветом в наше время – письменная мозаика, а именно заполнение по-русски формуляров и документов, официально напечатанных по-белорусски, как это видно на рис. 9.

Итак, курс на русификацию был взят. Соревнование языков прекратилось, поскольку белорусский язык просто был отправлен на скамейку запасных. Русификация последовательно продолжалась после Второй мировой войны и, как известно,

³ Фонетическое исключение составляет написание *д, т* (*дэлегат, тэатр, дырэктар, матыв*), а лексическое (в случае *e*) – давние заимствования (*литаратура*).

⁴ За исключением сочетаний *-ляваць, -люцыя, -ляр, -лятар, -льны*.

⁵ Правда, *метод, тезис*.

РИС. 9

РИС. 10

привела к тому, что, как бы это не представляли результаты опросов и переписей, практически абсолютное большинство населения Беларуси с трудом говорит на белорусском литературном языке и практически неспособно писать на нем.

4. *Иврит и идиш. Классовая борьба за существование*

Еврейская диаспора в Беларуси ведет свое существование с начала XIV в. К XX в. ее численность достигла своего апогея – всего на белорусских землях, по данным, представленным Варшавским статистическим комитетом в 1909 г., проживало 983,6 тыс. евреев, что составляло 13,2 % от всего населения этой территории (Эбэрхардт 1997: 62). Однако потрясения, пришедшие на начало XX в., сильно уменьшили количество евреев, впоследствии оказавшихся на территории Советской Белоруссии. В результате, согласно переписи 1926 г., в БССР проживало более 407 тыс. евреев, преимущественно в Минском, Витебском, Бобруйском и Гомельском округах. Однако и это была большая цифра: “ни в одной республике еврейское национальное меньшинство не составляло столь значительную группу. Доля евреев в населении БССР достигала 8,2%, в то время как в УССР – 5,4%, а в РСФСР – 0,5% (средний показатель по Советскому Союзу - 1,8%)” (Розенблат, Еленская 2002: 30).

Пришедшим к власти большевикам было понятно, что такое национальное меньшинство необходимо было учитывать в партийной работе. Уже в 1918 г. в составе Народного комиссариата по делам национальностей (во главе его стоял И.В. Сталин) был образован Еврейский комиссариат (Евком) (Pinkus 1988: 58) и отдельные евсекции в его составе. Языковые проблемы также попали в его ведение, поскольку было понятно, что возможность разговаривать с народными массами на одном языке будет залогом успешного построения нового общества.

Внимание к языку еврейского населения именно на белорусской территории было обусловлено и тем, что, как считают исследователи (Зельцер 2006: 134),

политика белорусизации, основу которой составляло введение белорусского языка во все сферы государственной и общественной жизни, включая перевод работы советского и партийного аппарата, предполагала внимание к языкам других национальных меньшинств.

Сразу же возник вопрос выбора этого языка – иврит или идиш. Между этими двумя языковыми образованиями в XIX-нач. XX в. существовало неприкрытое соперничество, которое хорошо иллюстрируют заглавия двух публицистических текстов: Ицхак Бер Левинзон *Идиш – это испорченный жаргон* и Менделей Мойхер-Сфорим *Душа моя жаждала идиша* (Мендес-Флор, Рейнхарц 2006: 206-207 и 210-211). Этому соперничеству не был положен конец и на Черновицкой конференции 1908 г., которая “объявила в своей резолюции идиш “одним из национальных языков” ..., не умаляя статуса иврита” (Ямпольская 2016: 26).

В 1917-1919 гг. иврит на территории восточно-славянского еврейства переживает бурный расцвет – тогда, как показывает статистика: “в России появилось свыше 180 книг, брошюр и журналов на иврит” (Слуцкий 1968: 242).

Но уже 4 июня 1919 г. Коллегия Наркомпроса приняла дополнение к *Постановлению о языке в школах национальных меньшинств*. Дополнение гласило: “Родным языком массы трудящихся евреев, проживающих на территории РСФСР, является только идиш, но не иврит!” (Прейгерзон 2010). Запрещение иврита распространилась и на белорусскую территорию. Следует, кстати, отметить, что именно на этой территории “религиозные издания, несмотря на большие трудности и незначительные тиражи, выходили до 1928 г.” (Смиловицкий 2017).

Предпочтение, отданное коммунистической властью идишу, было понятно. Идиш был противопоставлен “клерикальному” ивриту, языку иудаизма и сионизма, проводнику чуждой заграничной культуры, и призван был выполнять важную функцию – “критерия еврейской национальной идентичности” (Бэмпарад 2007: 75), которая позволила бы еврейскому народу наравне с другими войти в состав новой социалистической федерации. Кроме того, на идише, согласно переписи 1920 г., говорил 91% еврейского населения БССР (для сравнения – в РСФСР 48%) (Смиловицкий 2002).

Активная идишизация, проводимая не только в Советской Белоруссии, но и на всей территории победившего пролетариата, требовала стандартизации идиша, не имевшего, несмотря на многовековую историю, единой орфографии. Во многом это было связано с тем, что письменность здесь формировалась под влиянием двух стихий – графики иврита и немецкого правописания. Реформа назревала давно, уже упомянутая конференция в Черновцах ставила эти вопросы на повестку дня, но не решила их. Можно предположить, что коммунистическим реформаторам были близки изменения, которые надлежало произвести⁶: ввести фонетический принцип правописания, чтобы сепаратизировать идиш от немецкого языка (на-

⁶ Ср. ниже подобное стремление при попытке реформы польской орфографии.

РИС. 11

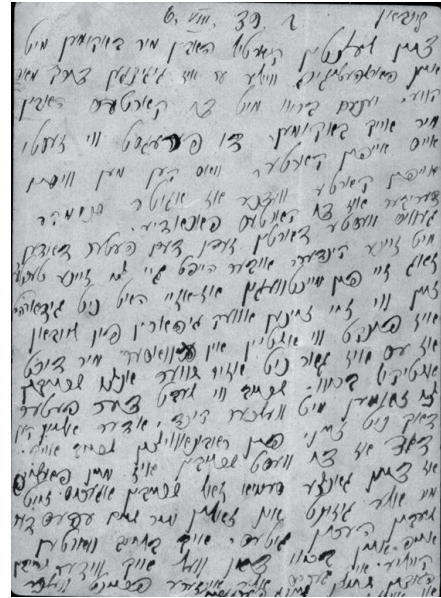

РИС. 12

пример, писать **קילייה** [hejlik] вместо **גילייה** [hejlig] и от иврита (в частности, ввести вокализированное написание гебраизмов и выработать правила транскрипции древнееврейских слов). Орфографические баталии обошли Беларусь стороной, сосредоточившись в Киеве и Москве, в результате чего “в июле 1920 г. фонетическое написание как немецко-коренных, так и древнееврейско-коренных слов было принято в Москве Первым Всероссийским конгрессом деятелей образования” (Куцмани 2007: 233).

Реформа орфографии позволила обеспечить на идише различного рода коммуникативную деятельность. Так, в Витебске уже к первой годовщине Октябрьской революции начала выходить газета на идише *Свободный рабочий* (Зельцер 2006: 48). В Минске и в Витебске открылись еврейские суды, в которых и судо-, и делопроизводство должны были вестись на идише. Также, как пишет, Э. Бэмпарад (2007: 66),

на многих важных городских организациях, таких как Белорусский государственный университет [см. рис. 10 – А.К.], красовались таблички с официальным названием организации на белорусском языке и идише. Язык можно было услышать на государственном радио и увидеть в кинотеатрах (в субтитрах к кинолентам). Во время местных выборов сообщения о них распространялись на идише, ЦИК получал корреспонденцию на идише, и заявления на вступление в партию или зачисление в кандидаты подавались в местные партийные комитеты на идише.

Однако в области письменной коммуникации дело все же обстояло достаточно плохо. Так, например, в суд “обращения писались на русском и даже на белорусском языке” (Бэмпарад 2007, 69).

Казалось бы, этого не должно было быть. Количество школ на идише на пике развития в 1933 г. достигло 339, при этом в них обучалось 36501 учеников (Смиловицкий 2017). Активному развитию подобных учебных заведений способствовала, как ни странно, политика белорусизации. Идиш, в отличие от польского и русского, не рассматривался в качестве конкурента для белорусского языка, борющегося за свое призвание и место в обществе. Педагогов для школ готовили еврейские педагогические техникумы, учительские институты, еврейские отделения при педагогических институтах, с 1922 г. активно действовало еврейское отделение педагогического факультета Белорусского государственного университета (Halevi 1976).

Эта политика принесла свои плоды. Часть еврейского населения овладела идишем в письменной форме. Об этом свидетельствует, например, открытка, посланная в 1940 г. жительницей городского поселка Любань брату в Палестину, которая написана на идише (рис. 12). При этом адрес на ней – на иврите (рис. 11)⁷.

Тем не менее, идишитские школы не пользовались особой популярностью, и как раз по языковым причинам. Для сторонников старого мира престиж иврита был неизмеримо выше, сторонники же мира нового предпочитали русский язык. Этому способствовало как традиция, в которой русский выступал языком высокой письменной культуры (кстати, то же самое можно сказать и об иврите), так и понимание того, что именно владение русским позволит войти в ряды советской интеллигенции и партийной верхушки. Доходило до того, что рабочие не считали ликвидацию неграмотности на идише таковой и ставили вопрос об одновременном обучении чтению и письму на русском языке и на идише (Раманова 2002: 151-156). Любопытно, что в западных областях Беларуси, входящих в состав Польши, “в значительной степени сохранялась приверженность евреев родному языку (в 1931 году 88,9% евреев признали идиш родным), в то время как в восточных областях происходила их стремительная аккультурация (если в 1926 году 90% евреев БССР назвали родным языком идиш, то в 1939 году – всего 55%)” (Розенблат, Еленская 2002: 35).

В конце 30-х годов школы на идиш пришли в упадок. Кроме представленных выше факторов, определенную сыграла роль и нагрузка на учащихся – им приходилось изучать белорусский, русский, один из иностранных языков и к тому же идиш. В результате качество языковых знаний оставляло желать лучшего. Но, безусловно, основной причиной стала общая национальная политика укрепившегося сталинизма, уже не нуждавшегося в поддержке и одобрении национальных окраин. Шла борьба против “национал-демократизма”, в 1938 г. польский язык и идиш были лишены статуса государственных. Завершение истории школ на идиш наступило летом 1938 г.,

⁷ Открытка размещена Зиновием Кнелем на странице *Belisrael* <<http://belisrael.info/?tag=belorusskie-policaï>>.

когда Народный Комиссариат просвещения принял к исполнению решение ЦК Компартии республики от 3 июля 1938 г. *О реорганизации еврейских школ в Белоруссии в белорусские школы*. Одновременно с этим начали закрываться еврейские творческие союзы, газеты и журналы на идише. В 1940 г. вышли из печати всего 8 изданий художественной литературы на этом языке (Смиловицкий 2017).

Таким образом, идиш одержал над ивритом пиррову победу. Его существование в языковом пространстве Беларуси, к сожалению, было кратким. После Второй мировой войны идишу так и не удалось вернуть свои позиции в общественной коммуникации.

5. *Польский язык. Орфография – оружие пролетариата*

Выше уже отмечалось, что к концу XIX в. польскоговорящее население белорусских земель составляло всего 2,4%. Во многом это объясняется успехом имперской политики России, направленной на нейтрализацию польского влияния. В результате по данным на 1926 г. количество поляков в БССР составляло 97,5 тыс. человек, однако по-польски говорила только половина – 42,4 тыс. (Migonowicz 2004: 43).

К польскому языку на землях, входящих в состав современной Беларуси, всегда было особое отношение – “в связи с существованием независимого польского государства, враждебно относящегося к советской власти, а также в связи с богатым наследием взаимных обид и антагонизмов” (Iwanow 2016: 120).

Как уже говорилось, основой национально-языковой политики первых лет Советской власти в области письменной коммуникации была “коренизация”, то есть перевод этой коммуникации на языки притесняемых ранее меньшинств. В отношении польского населения коренизация выглядела следующим образом. В соответствии с постановлениями съездов Советов об автономиях национальных меньшинств, которые имели собственные государства за границами СССР, на территории республики должен был быть создан польский национальный район. Он был создан в марте 1931 г.⁸ – Койдановский, в котором из 17 сельсоветов 10 были польские; в 1932 г. Койданово было преобразовано в г. Дзержинск, и польский национальный район стал Дзержинским, а в 1937 г. был ликвидирован. Но, хотя слово *полонизация* никогда не звучало, сам этот процесс не ограничивался одним небольшим районом: “имеющий развитое классовое сознание поляк, говорящий по-польски советский патриот – так должен был выглядеть идеальный продукт идеологического наступления партии на ‘польском направлении’ в то время” (Iwanow 2016: 129). А поскольку ‘польскость’ населения белорусских земель во многих случаях определялось по вероисповеданию, а не умению говорить и писать по-польски, к 1926 г. только 50% польского населения было грамотным (Kawecka 1971: 54). И власть начала создавать польские школы вез-

⁸ Для сравнения – на Украине подобный район (им. Юлиана Мархлевского) был образован в 1925 г.

РИС. 13

РИС. 14

де, где набиралось хотя бы 25 детей-поляков школьного возраста. Безусловно, поляки рассматривали такой процесс как непосредственное завоевание Советской власти, что давало этой власти в их глазах определенные бонусы.

Количество польских школ постоянно увеличивалось – оно возросло с 73 в 1921/22 учебном году до 111 в 1926/27, а к 1934 уч. г. увеличилось на 107 и составило 3,6%, заняв второе место после школ белорусских. Когда же к Советской Белоруссии в 1939 г. была присоединена Западная, число школ еще более выросло – на сентябрь 1940 г. в западных областях республики действовало 946 польских школ. Все польские школы прекратили свое существование в конце 40-х годов (Радкевич 2006: 64-65).

Как и во многих других случаях, учителей катастрофически не хватало. В 1931 г. в преобразованном из педагогического факультета Белорусского государственного университета Белорусском государственном высшем педагогическом институте в Минске начала действовать польская секция, которую планировалось преобразовать в Польский педагогический институт, но эти попытки к 1934 г. провалились, и польских учителей продолжал готовить отдельный факультет педагогического института. Научной работой занимался польский сектор, созданный в 1922 г. при Институте белорусской культуры (Инбелкульте) (Захаркевич 2009: 248).

На территории республики выходили польские газеты. В начале 1921 г. было возобновлено издание газеты *Молот* (*Młot*) (рис. 13), первоначально выходившей тиражом 4.000⁹ экз. и распространявшейся по территории всей Советской России (Myśliński 1972: 100). В 1926 г. его сменила газета *Пащина* (*Orka*). При том, что *Молот* старался еще поддерживать достаточно высокий языковой уровень, *Пащина* явно не хватало редакторов, корректоров и даже шрифтов. Особенно же польский язык страдал в региональных газетах: например, в органе польского национального района – *Штурмовик Дзержинщины* (*Szturmoviec Dzierżyńszczyzny*) – постоянно встречаются русизмы: *zagłówek* ‘заголовок’ вместо *tytuł*, *zrywać* ‘срывать (план)’ вместо *opóźniać* и др. (Myśliński 1972: 108). К середине 30-х годов количество подписчиков польских

⁹ Позже тираж уменьшался.

газет резко упало, поскольку, несмотря на организацию большого количества польских школ, “большинство потенциальных читателей слабо владело польским языком и предпочитало читать русские и белорусские газеты” (*там же*). С 1937 г. польские газеты вообще исчезли из информационного пространства Советской Белоруссии. Их издание возобновилось только в сентябре 1939 г. после присоединения западных областей (Mysłiński 1972: 111).

Что касается орфографии, то для польского языка в Советском Союзе официально были приняты нормы, предложенные А. Крыньским, но в практике также применялись орфографические принципы Я. Лося (Grek-Pabisowa *и др.* 2008: 47). Как известно, А. Крыньски был одним из горячих сторонников так называемой “варшавской орфографии”, принципы же Я. Лося, изложенные в работе *Pisownia polska ustalona: uchwały ostateczne, przepisy, słowniczek* (1918 г.) и одобренные Польской академией знаний в 1919 г. в рамках орфографической реформы, относились к “краковской орфографии” (см., в частности, Saloni 2005). Можно подозревать, что не в последнюю очередь неприятие официальной Польшей принципов Крыньского подвигло большевиков высказаться в их пользу.

Однако этого было недостаточно. Именно на страницах газеты *Młot* в середине 20-х годов была начата дискуссия об изменении орфографии. Причин было несколько: непосредственная и благородная – упрощение письма должно было способствовать ликвидации безграмотности среди простых поляков, далекой и неблагоприятной – оторвать их от костела путем усложнения чтения религиозных книг (Iwanow 2016: 133) и вообще от возрождающейся после приобретения Польшей независимости польской культуры. Основные положения этой дискуссии были даже представлены на страницах журнала *Język polski* за подписью Х. Тур и прокомментированы К. Ничем¹⁰ (Nitsch 1925: 85-87). Предложения реформаторов от орфографии были просты и лежали на поверхности: замена *rz* на *ż*, *ó* на *u*, диграфов *sz* и *cz* на однобуквенные знаки, например, *ś* и *ć*, удаление носовых *ą* и *ę* и внедрение вместо них *om* и *em* или *on* и *en* (в зависимости от позиции в слове), а также, возможно, замена *ch* на *h* (насчет последнего у реформаторов были сомнения, вызванные различным произношением обозначаемых этими буквами звуков в различных диалектах). Как видно, реформаторы (в особенности Т. Домбаль и Ч. Домбровский¹¹) не раздумывали ни над сохранением единства слова, ни над исторической преемственностью, стремясь лишь, как сами утверждали, к революционизации и “онародливанию” (*uludowieniu*) орфографии. Под последним понимался фонетический принцип правописания, который, кстати, также не проводился последовательно. По этому поводу К. Нич язвительно заметил, имея в виду отражение на письме оглушения согласных, что поскольку “не

¹⁰ К. Нич редактировал издания работы *Pisownia polska* после смерти Я. Лося (см. Saloni 2009).

¹¹ Ч. Домбровский пропагандировал изменение орфографии и на личном примере, подписывая позднейшие работы не *Dąbrowski*, а *Dombroski*.

следует останавливаться на трусливой реформе, а идти до конца” – то нужно было бы писать *bir* и *wius* рядом с *bobu* и *wiozła*, на чем г-н Домбровский как-то не настаивает. Не настаивает по очень простой причине: поскольку и русская реформа оставила *боб* и *без*, то и господину Д. это не приходит в голову”¹² (Nitsch 1925: 86). Из критиков, принявших участие в дискуссии, только С. Хелтман, по выражению К. Нича, “демонстрирует теоретическое и практическое знакомство с вопросом, трое же остальных производят впечатление детей, играющих в науку или политику” (Nitsch 1925: 86).

Итогом дискуссии стало принятое в 1931 г. на совещании в польском секторе Белорусской академии наук решение о скорейшем проведении реформы орфографии. Была создана специальная Лингвистическая комиссия по вопросам реформы орфографии (*Komisja Lingwistyczna do Spraw Reformy Pisowni*) (Iwanow 2016: 134), куда вошли не только языковеды, но и представители творческой интеллигенции. В связи с этим Ч. Домбровский издал брошюру *Materiały dyskusyjne w sprawie reformy pisowni polskiej*, где были представлены приведенные выше орфографические упрощения, а также содержалась критика противников подобного подхода, в частности, Н.Н. Дурново, который решительно и аргументировано выступал против разрыва с письменной традицией (Dombroski 1932: 65).

Однако в это время уже разворачивалась борьба против национал-демократизма и, что за этим следовало, сворачивались остальные языковые проекты. Предложенные принципы новой орфографии так и остались только декларацией. А Т. Домбаль, будучи вице-президентом Белорусской академии наук, вошел вместе с политиками Н. Голодедом, А. Червяковым, В. Шаранговичем в состав созданной 5 мая 1933 г. Политической комиссии для пересмотра русско-белорусского словаря и новых правил правописания белорусского языка (Саўка 2008: 16)¹³, то есть принял участие в упрощении уже белорусского правописания – создании орфографии-наркомовки. Именно эта комиссия подготовила документ, о котором говорилось выше, – *Об изменении и упрощении белорусского правописания*.

Таким образом, польский язык повторил путь идиша и отчасти белорусского – после временного расцвета, инициированного советской властью, наступило долгое забвение вплоть до 90-х годов XX в.

6. Заключение

Межвоенное десятилетие в языковой политике Беларуси, как и в других областях общественной жизни, было чрезвычайно ярким и насыщенным. Казалось, Октябрьская революция принесла народам не только возможность возрождения,

¹² Следует отметить, что и белорусская орфография не распространяет фонетический принцип на написание согласных.

¹³ Белорусская комиссия, в отличие от польской, носила название политической – игры в возрождение национального сознания закончились.

возможность говорить и писать на своем языке, но и право обсуждать это в непримиримых, но, тем не менее, демократических дискуссиях, затрагивающих не только сущность языковой системы, но и форму реализации письменной коммуникативной деятельности – графику и орфографию.

Такая ситуация просуществовала до конца 30-х годов. В *Конституции* 1937 г. еще говорится о возможности использования всех четырех языков законодательной властью – ст. 25 (хотя судопроизводство – на белорусском языке с предоставлением переводчика [ст. 86]), при обучении в школе – ст. 96, о представлении их на гербе. Однако в конце июля 1938 г. это “отклонение” было устранено. Идиш, как и польский, был удален из герба республики и, соответственно, из всех общественных учреждений (Зельцер 2006: 198).

Как известно, революция, как бог Сатурн, пожирает своих детей. Все демократические интенции были подавлены, не успев реализоваться. Происходила успешная русификация, поддерживаемая, к сожалению, не только властями, понявшими, что принципы пролетарского интернационализма лучше укреплять на русском языке, но и населением, прагматически относившемся к возможностям социального аванса, даваемого языком национального большинства Советского Союза. Для всех остальных языков наступала эпоха выживания. В результате в настоящее время в Беларуси практически невозможно говорить ни о какой системной нормативной письменной коммуникации ни на одном языке, кроме русского.

Сокращения (источники)

- К27: *Канстытуцыя (Асноўны закон) Беларускае Сацыялістычнае Саветае Рэспублікі*, Менск 1927.
- К30: *Кнігапіс за 5 год, 1924-1929*, Менск 1930.
- П26: *Всесоюзная перепись населения 1926 г.*, X, Москва 1928.
- П30: *Беларускі правапіс (праект). Апрацаваны Правапіснай Камісіяй Беларускае Акадэміі Навук*, Менск 1930.
- П33: *Праект спрашчэння беларускага правапісу*, Менск 1933.
- ПП33: *Аб зменах і спрашчэнні беларускага правапісу: настанова Савета Народных Камісараў БССР*, Мінск 1933.
- ПРНВ: *Практическое разрешение национального вопроса в Белорусской Советской Социалистической Республике. I. Белорусизация. По материалам Центральной национальной комиссии ЦИК БССР*, Минск 1927.

Літэратура

- Алпатов 2000: В.М. Алпатов, *150 языков и политика. 1917-2000. Социологические проблемы СССР и постсоветского пространства*, Москва 2000.
- Багдановіч 1925: А. Багдановіч, *Аб неўстаноўленых выпадках нашага правапісу*, “Польмя”, 1925, 7, с. 153-163.
- Бэмпарад 2007: Э. Бэмпарад, *Ідзішыцкі эксперымент у савецкім Менску*, “Arche”, 2007, 11, с. 61-77.
- Гапоненка 2011: І.А. Гапоненка, *Моўная палітыка і моўная сітуацыя на Беларусі ў XIX-на пачатку XX ст.*, “Веснік БДУ. Серыя 4”, 2011, 2, с. 50-55.
- Жураўскі 2014: А.І. Жураўскі, *Выбраныя працы*, Мінск 2014.
- Запрудскі 2005: С. Запрудскі, *Распрацоўка правапісу беларускай мовы ў канцы 1920-х гг.*, “Роднае слова”, 2005, 10, с. 39-42.
- Запрудскі 2015: С.М. Запрудскі, *Гісторыя беларускага мовазнаўства (1918-1941)*, Мінск 2015.
- Запрудскі 2004: С.М. Запрудскі, *Акадэмічная канферэнцыя па рэформе беларускага правапісу і азбукі 1926 г.*, “Веснік БДУ. Серыя 4”, 2004, с. 21-26.
- Захаркевіч 2009: С.А. Захаркевіч, *Этнічныя меншасці Беларусі: вопыт сацыяльнай трансфармацыі ў XIX-пачатку XX ст.*, “Працы гістарычнага факультэта БДУ”, 2009, 4, с. 242-249.
- Зельцер 2006: А. Зельцер, *Евреи советской провинции: Витебск и местечки 1917-1941*, Москва 2006.
- Клімаў 2001: І. Клімаў, *Беларусізацыя ў дакументах*, “Беларускі гістарычны агляда”, VIII, 2001, 1-2, <<http://www.belhistory.eu/belarusizacyya-%D1%9E-dokumentax-igar-klima%D1%9E/>> (дата доступу: 20.02.17).
- Коршук і др. 2001: У.І. Коршук і др. (ред.), *Беларусізацыя 1920-я гады. Дакументы і матэрыялы*, Мінск 2001.
- Крамко і др. 1968: І.І. Крамко, А.К. Юрэвіч, А.І. Яновіч, *Гісторыя беларускай літаратурнай мовы*, II, Мінск 1968.
- Куцмани 2007: Б. Куцмани, *Советская реформа правописания еврейского языка (идиш) в 1920 г.*, “Тирош”, 2007, 8, с. 222-240.
- Латышева 2009: В.А. Латышева, *Переписи населения 1897 и 1926 гг.: признаки национального самоопределения белорусов*, в: У.Н. Сідарцоў (адк. рэд.), *Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны*, V, Мінск 2009, с. 134-142.
- Лёсік 1925: Я. Лёсік, *Неўстаноўленыя выпадкі нашага правапісу*, “Польмя”, 1925, 2, с. 130-148.
- Мікуліч 1996: Т.М. Мікуліч, *Мова і этнічная самасвядомасць*, Мінск 1996.

- Мендес-Флор, Рейнхарц 2006: П. Мендес-Флор, Й. Рейнхарц (сост.), *Евреи в современном мире. История евреев в новое и новейшее время: антология документов*, II, Москва 2006.
- Мечковская 2003: Н. Мечковская, *Белорусский язык: Социолингвистические очерки*, München-Berlin-Washington DC 2003 (= Specimina Philologiae Slavicae 138).
- Мячкоўская 2001: Н. Мячкоўская, *Сацыялінгвістычны погляд на чыннікі, тармазы і прыярытэты нацыянальнага адраджэння*, у: Г. Цыхун (гал. рэд.), *Беларуская мова: шляхі развіцця, кантакты, перспектывы: Матэрыялы III Міжнар. кангрэса беларусістаў "Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый"*, Мінск 2001, с. 173-180.
- Некрашэвіч 2004: С.М. Некрашэвіч, *Выбраныя навуковыя працы акадэміка С.М. Некрашэвіча. Да 120-годдзя з дня нараджэння*, Мінск 2004.
- Прахарэня 2017: М. Прахарэня, *Акруговая прэса ў працэсе ажыццяўлення палітыкі беларусізацыі*, у: В.І. Іўчанкаў (рэд.), *Стылістыка: мова, маўленне і тэкст*, Мінск 2017, с. 485-490.
- Прейгерзон 2010: Ц. Прейгерзон, *Ликвидация*, "Иерусалимский журнал", 2010, 36 <<http://magazines.russ.ru/ier/2010/36/cv23.html>> (дата доступа: 21.02.17).
- Пушкін 2010: І.А. Пушкін, *Удзел нацыянальных меньшасцей у грамадска-палітычным жыцці Савецкай Беларусі (1919-1990 гг.)*, Мінск 2010.
- Раманава 2002: І. Раманава, *Рэтрэсіі супраць нацыянальных меньшасцей Беларусі ў межваенны перыяд*, у: В.П. Андрэеў (рэд.), *Беларусь у XX стагоддзі*, I, Мінск 2002, с. 151-156.
- Раткевич 2006: М.А. Раткевич, *Польский язык в системе образования БССР 20-40-е гг. XX в.*, "Вестник БДУ. Серия 4", 2006, 1, с. 63-67.
- Розенблат, Еленская 2002: Е. Розенблат, И. Еленская, *Динамика численности и расселения белорусских евреев в XX веке*, "Диаспоры", 2002, 4, с. 27-52.
- Рудовіч 2001: С. Рудовіч, *Пашырэнне сацыяльных функцый беларускай мовы ў абставінах Першай сусветнай вайны: гістарычны вопыт, урокі для нашчадкаў*, у: Г. Цыхун (гал. рэд.), *Беларуская мова: шляхі развіцця, кантакты, перспектывы: Матэрыялы III Міжнар. кангрэса беларусістаў "Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый"*, Мінск 2001, с. 6-10.
- Саўка 2008: З. Саўка, *Мазайчная артаграфія. Знагоды прыняцця Праваяіснага закону*, "Агсхе", 2008, 11, с. 10-22.
- Сергейко 2010: С.А. Сергейко, *История образования и педагогической мысли*, Гродно 2010.
- Слуцкий 1968: И. Слуцкий, *Судьба иврит в России*, в: Я.Г. Фрумкин (ред.), *Книга о русском еврействе, 1917-1967*, Нью-Йорк 1968, с. 241-247.

- Смиловицкий 2002: Л. Смиловицкий, *Школа на идише в первые десятилетия советской власти. Еврейское образование в Белоруссии. 1921-1941 гг.*, “Новая еврейская школа”, 2002, 11, <<http://old.ort.spb.ru/nesh/njs11/smilov11.htm>> (дата доступа: 03.03.17).
- Смиловицкий 2017: Л. Смиловицкий, *Издание религиозной еврейской литературы в Советском Союзе на примере Белоруссии, 1921-1964 гг.*, <http://souz.co.il/clubs/read.html?article=2837&Club_ID=1> (дата доступа: 25.02.17).
- Сталин 1951: И.В. Сталин, *Сочинения*, V, Москва 1951.
- Старовойтов 2003: М.И. Старовойтов, *Отношение населения Восточного Полесья к белорусизации в 20-е г. XX в.*, в: I.П. Крэнь (рэд.), *Актуальныя праблемы гісторыі Беларусі: стан, здабыткі і супярэчнасці, перспектывы развіцця*, III, Гродна 2003, с. 21-25.
- Тарашкевіч 1918: Б. Тарашкевіч, *Беларуская граматыка для школ*, Вільня 1918.
- Цвяткоў 1926: Л. Цвяткоў, *Аб некаторых спрэчных пытаннях беларускага правапісу і аб яго рэвізіі*, “Асвета”, 1926, 4, с. 140-144.
- Шаўчук 2003: I.I. Шаўчук, *Навука ў БССР і расійскія вучоныя (20-30 г. XX ст.)*, в: I.П. Крэнь (рэд.), *Актуальныя праблемы гісторыі Беларусі: стан, здабыткі і супярэчнасці, перспектывы развіцця*, III, Гродна 2003, с. 139-142.
- Шчарбакоў 1931: В. Шчарбакоў, *Праблема навуковых кадраў у БССР*, “Савецкая краіна”, 1931, 1, с. 33-41.
- Эбэрхардт 1997: П. Эбэрхардт, *Дэмаграфічная сітуацыя на Беларусі 1897-1989*, Мінск 1997.
- Ямпольская 2016: С.Б. Ямпольская, *Особенности развития европейского иврита в XIX-начале XX в.: лексические заимствования и система обращения*, Санкт-Петербург 2016.
- Åbicht, Stankèvič 1918: R. Åbicht, J. Stankèvič, *Pròsty spôsáb stácca ŷ karòtkim çàse hràmatnym*, Breslau 1918.
- Dombroski 1932: Cz. Dombroski, *Materiały dyskusyjne w sprawie reform pisowni polskiej*, Mińsk 1932.
- Głogowska 1996: H. Głogowska, *Białoruś 1914-1929. Kultura pod presją polityki*, Białystok 1996.
- Grek-Pabisowa *и др.* 2008: I. Grek-Pabisowa, M. Ostrówka, B. Biesiadowska-Magdziarz, *Język polski na Białorusi Radzieckiej w okresie międzywojennym. Polszczyzna pisana*, Warszawa 2008.
- Halevi 1976: Z. Halevi, *Jewish University Students and Professionals in Tsarist and Soviet Russia*, Tel Aviv 1976.

- Iwanow 2016: M. Iwanow, *Autonomia polska w ZSRR w latach 1925-1935. Aspekt prawny*, "Rocznik Stowarzyszenia naukowców Polaków Litwy", XVI, 2016, c. 118-147.
- Kawecka 1971: K. Kawecka, *Szkolnictwo polskie w ZSRR w latach 1921-1930*, "Rozprawy z dziejów oświaty", XIV, 1971, c. 54-66.
- Łuckiewiç 1917: A. Łuckiewiç, *Jak prawidłna pisać pa białaruskim*, I, Wilnia 1917.
- Łuckiewiç, Stankewiç 1918: Ant. Łuckiewiç, J. Stankewiç, *Białaruskim prawapis*, Wilnia 1918.
- Mironowicz 2004: E. Mironowicz, *Kształtowanie się struktury narodowościowej w BSRR (1921-1930)*, "Białoruskie zeszyty historyczne", XXII, 2004, c. 42-57.
- Myśliński 1972: J. Myśliński, *Prasa w języku polskim na Białorusi Radzieckiej 1921-1941: (charakterystyka bibliograficzna i przegląd zawartości)*, "Rocznik Historii Czasopiśmiennictwa Polskiego", XI, 1972, I, c. 97-116.
- Nitsch 1925: K. Nitsch *Polska ortografia w ZSRR*, "Język polski", X, 1925, c. 84-87.
- Pačobka 1918: B. Pačobka, *Hramatyka białaruskaj mowy*, Wilnia 1918.
- Pinkus 1988: B. Pinkus, *The Jews of the Soviet Union. The History of a National Minority*, Cambridge-New York-New Rochelle-Melbourne-Sydney 1988.
- Saloni 2005: Z. Saloni, *O kodyfikacji polskiej ortografii – historia i współczesność*, "Nauka", 2005, 4, c. 71-96.
- Taraškiewiç 1918: B. Taraškiewiç, *Białaruskaj gramatyka dla škol*, Wilnia 1918.
- Vakar 1956: N.P. Vakar, *Belorussia. The Making of a Nation*, Cambridge (MA) 1956.

Abstract

Alla Kožinova

Languages and Graphical Systems in Belarus from the October Revolution to the Second World War

The article is devoted to the analysis of the language situation in Soviet Belarus in the period from the October Revolution to the Second World War. The languages declared official in the Constitution of the Belarusian Socialist Soviet Republic of 1927 (Belarusian, Russian, Polish, Jewish) are studied in terms of service of written communication. The article deals with the issues related to spelling reforms, school education, and publication of newspapers and books. It is concluded that the development of national languages and graphic systems announced after the revolution is replaced by the Russification of all manifestations of public life in the late 1930s.

Keywords

Belarusian; Russian; Polish; Hebrew; Yiddish; Cyrillic Script; Latin Script; Spelling Reform.